

Дмитрий Сергеевич Шевский, аспирант школы политических наук НИУ

ВШЭ

Текст доклада для презентации на тему " Структурно-демографические и геополитические (территориальные) механизмы дезинтеграции государств"

Введение

Постижение закономерностей крушения государств – одна из важнейших тем в социо-гуманитарном знании и значимость ее только возрастает, особенно после событий арабской весны и того, что произошло в Украине в 2014.

Прежде всего проясним терминологический аппарат. Под государством мы предлагаем понимать территориальное целое с централизованным и профессиональным аппаратом управления (включая и монополию на средства насилия), признающееся легитимным и имеющим признанную населением идеологию (самоописание [Луман, 2007]). Аппарат управления для своего успешного (но не обязательно эффективного) функционирования должен иметь хотя бы минимальную степень согласованности действий элит, а также осуществлять сбор налогов.

Исходя из такого понимания государства, мы разработали следующие критерии для идентификации дезинтеграции государств:

- 1) смена самоописания
- 2) раскол элит
- 3) фискальный кризис
- 4) массовые восстания
- 5) территориальный распад

В качестве исследовательской призмы мы будем опираться на открытия и достижения макросоциологии¹, что позволит реконструировать последовательность (механизмы) государственной дезинтеграции.

Механизмы дезинтеграции государства

Так как любая социальная система строится на самоописании, то есть дискурсе, разграничивающим саму систему и окружающую среду, то важнейшим этапом, в крушении государства становится смена самоописания, которое возможно только при наступлении делегитимации нынешней системы. Делегитимация – это потеря доверия элит и/ или населения к власти, институтам и почти всегда к самому режиму.

Что вызывает делегитимацию? Делегитимацию вызывает множество факторов, но важно отметить, что никакой оппозиционный дискурс, способный вызывать делегитимацию, невозможен без конфликта элит. Как показали исследования в макросоциологии, конфликт элит важен в двух аспектах: 1) среди части элиты должны быть выразители дискурса «культуры восстания и оппозиции»[Foran, 1997] 2) при слаженном действии элит массовые восстания будут обречены на неудачу[Lachmann, 1997].

Почему происходит конфликт элит? Ответ очевиден – острая борьба за властные позиции в политической иерархии вызвана стремлением к получению дополнительных ресурсов, как символических, так и материальных. Необходимо понять, что вызывает недостаточность ресурсов в определенные периоды. И на этом этапе вычленения механизмов и обнаруживается развилка, так как, группируя различные причины нехватки ресурсов среди элиты, условно можно выделить две фундаментальные, которые подсказывает элементарная логика. Это внутренние причины и внешние.

¹Макросоциология – «междисциплинарная область исследований, в которой посредством объективных методов социальных наук изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов и явлений, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [Розов, 2009: 151]. Более подробно об истории и целях этой науки см., напр.: (Лахман 2014; Smith 1991)

Эндогенная причина – это «деградация» правящего класса – процесс, который описан множеством исследователей. В современной макросоциологии эту причину ставит во главу угла т. наз. «структурно-демографическая теория» (см., напр. [Goldstone 1991, 2017; Turchin 2013; Turchin, Nefedov 2009; Нефедов 2007, 2008а; Турчин 2010]). Она изначально была создана для анализа динамики аграрных государств, но стала активно применяться и для современных случаев (см., напр. [Коротаев, Зинькина 2011, 2011а; Turchin 2016]). Построенная на идеях классического мальтузианства о перенаселенности, как главном факторе нестабильности, данная теория анализирует корреляцию между фактором перенаселенности и действиями элит. Рост населения ведет к малоземелью в сельской местности, а миграции в города для разрешения этой проблемы – к падению реальной заработной платы из-за роста незанятой рабочей силы. Соответственно, вызванная инфляция уменьшает поступления в казну, вынуждая государства увеличивать налогообложение, что вызывает недовольство как среди простого населения, так и среди элиты [Goldstone, 1991: 24-25; 459]. Более того, численность элиты также увеличивается, дополнительно усиливая нагрузку на государственный бюджет из-за необходимости ее содержать. Это вызывает раскол и борьбу среди элит за убывающие ресурсы и одновременно усиливает эксплуатацию низших слоев населения [Goldstone, 1991: 459 – 460].

Однако в современных реалиях интересна вторая важная составляющая теории – взаимодействие между растущим числом представителей элит и государством с одной стороны и населением с другой. Главное условие – элиты стремятся к перераспределению ресурсов (других представителей элит или государства) при относительном их обеднении. Не всегда обязательно конфликт элит вызывается именно их перепроизводством, то есть когда претендентов на элитный статус значительно больше, чем возможностей реализовать это.

Под экзогенной причиной мы понимаем геополитическое перенапряжение. Несмотря на то, что геополитика как наука находится под вопросом в научной среде, данный концепт не имеет ничего общего с конъюнктурой, а скорее является разделом политической социологии. Проблема геополитического перенапряжения на большом количестве материала была рассмотрена многими исследователями (см., напр. [Collins 1981, 2011; Kennedy 1987; Skocpol 1979]). Наиболее последовательно теория геополитического перенапряжения описана в статье Р. Коллинза 1995 года для анализа крушения СССР [Collins 1995; Коллинз 2000]. На основе веберовского понятия государства (монополия на легальное насилие) выводятся геополитические принципы, суть которых сводится к следующему: государство, находясь на территориальной, либо социальной окраине, имеет меньше фронтов для ведения войн, что способствует возможности сосредоточения ресурсов для более эффективного захвата определенных территорий. Но в связи с расширением государство теряет свое окраинное преимущество и вынуждено тратить все большее количество ресурсов на охрану своих территорий. Более того, расширение может пройти ту точку, когда ресурсы от вновь присоединенных земель становятся недостаточными для поддержания существующего порядка. Усугубить положение может даже незначительная война, которая окончательно перенапрягает силы государства – «чрезмерное расширение ведет к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [Коллинз, 2000: 241]. Сам механизм распада Коллинз Р. видит в потере легитимности власти, что, как считает автор, является дополнением к другим моделям распада государств [там же: 249]. Распад государства в этой теории представляет собой петлю обратной связи: геополитическое перенапряжение вызывает нехватку ресурсов, в результате чего начинается элитный конфликт за эти ресурсы, который в итоге усугубляет фискальный кризис. Происходит «мобилизация оппозиционных классовых сил снизу» в поддержку одной из элит, и государство прекращает свое существование в прежнем виде.

Кратко: геополитическое перенапряжение проявляет себя в ориентации бюджета на военную сферу (здесь можно вспомнить военные траты в поздний период правления Антониу ди Салазара в Португалии, доходящие до 30% всего бюджета), усиление роли представителей военно-промышленного комплекса, превалирование милитаристской риторики. Примат внешней политики приводит к ослаблению социальной политики, росту задолженности (как внешней, так и внутренней), торговым блокадам (что пытался сделать, например, Наполеон в отношении Британии), а соответственно и к недовольству как простого населения, так и элит, не представляющих интересы ВПК.

Описанные две динамики, связанные с геополитикой и структурно-демографическими факторами, не противоречат друг другу, а даже наоборот, взаимодополняемые [Турчин, 2010]. Но все же, в некоторых государствах превалирует либо один фактор, либо другой. Так, например, динамика Египта Нового Царства, Византии, Украины лучше описывается в рамках структурно-демографической теории, а, например, для объяснения динамики Империи Сасанидов, Австро-Венгрии, Эфиопии до 1991 года и СССР больше подходит геополитическая трактовка.

Возникает вопрос – почему в одних случаях фактором, вызывающим нехватку ресурсов, становятся внешние причины, а иногда и действия самих элит, не связанные с окружающим миром?

На наш взгляд, ключевую роль в этом процессе играет положение элит относительно аппарата управления, а именно – является ли элита частью государства, или же посредником между основной массой населения и центральным аппаратом. Соотношение определяется через подчиненность средств материального производства либо государству, которое обеспечивает доступ к ним элите, либо же элита пользуется ими без оглядки на вышестоящие управленческие институты [Вебер, 1990: 649]. Соответственно, гипотезу можно сформулировать так: **при подчиненности элиты**

государству больше будет сказываться геополитическое перенапряжение, как причина нехватки ресурсов, во втором же случае, элиты, не имея жесткого контроля над собой, будут стремиться к накоплению ресурсов и увеличению своей численности, что больше соответствует динамике в рамках структурно-демографической теории.

Для понимания и проверки гипотезы мы обратимся к двум разным кейсам (в диссертации их 4) – структурно-демографическому, обнаруженному в Украине 2014 г. и геополитическому (территориальному) в СССР.

Структурно-демографический механизм: Украина

Сложившиеся в Украине практики взаимодействия экономических элит и государства были ориентированы в первую очередь на обслуживание интересов олигархов, по крайней мере до 2011 года. Высокой степени олигархизации украинской политики посвящено множество работ (см., напр. [Aslund, 2014; Matuszak, 2014; Pleines, 2016, Kuzio, 2015, 2016] и др.), но наиболее важным аспектом политической системы является ее клановость. Исследователи выявляют различные группы интересов, одни говорят о трех группах [Matuszak, 2014, p.13], другие о четырех [Зоткин, 2012, с.291; Sakwa, 2015, p.63], но основная линия соперничества проходила между двумя кланами – т. наз. днепровским и донецким [Marples, 2015, p.13]. Специфика этого соперничества заключалась в том, что приход одной группы означал собой отстранение от властных постов представителей другой. Если остановиться кратко на основных представителях каждой группы, то в днепропетровскую входили: Л. Д. Кучма, П. И. Лазаренко, И. В. Коломойский, В. М. Пинчук, Ю.В. Тимошенко и др., а в донецкую: Н. Я. Азаров, В. Ф. Янукович, Р. Л. Ахметов и др.

Массовые кадровые изменения на высшем и региональном уровнях происходили в 2005 году (усиление днепропетровского клана) и в 2010 (приход к власти представителя донецкого клана). Такая система с некоторыми сбоями, но работала, пока Янукович не решил, как полагают

некоторые эксперты, ослабить влияние олигархов. Практически по единодушному мнению аналитиков, президент Украины или его сын, пытался создать новый клан, получивший название «семья». Несмотря на значительную долю спекуляций и невозможность проверки данных, исследователи согласны в том, что политика «семьи» шла вразрез с интересами если не всех, то многих олигархов. Какие убедительные доказательства-примеры можно привести? Если обратиться к статистике, то окажется, что при Януковиче возрос уровень криминализации бизнеса. Так, в 2010 году было заявлено о 75 случаях рейдерского захвата компаний, а в следующем году уже почти 1000 [Matuszak, 2014, p. 58]. Конечно, однозначно трудно утверждать, что это результат формирования нового, президентского, клана [Rojansky, 2014, p.423], однако, цифры настолько значительны, что игнорировать их нельзя.

Могло ли получиться так, что «семья Януковича» здесь ни при чем, а все это «преференции» донецкому клану за поддержку на выборах? Есть основания полагать, что вряд ли. Так, например, государственные предприятия («Центрэнерго» и «Донбассэнерго») ранее закупали уголь преимущественно у госкомпании («Уголь Украины») и у частной «ДТЭК-Трейдинг», владелец которой – Ахметов. С усилением власти Януковича, государство стало закупать уголь у компаний, так или иначе связанных с сыном президента, обходя Ахметова. Важно отметить, что если компания Ахметова в 2013 году предлагала государственному предприятию «Донуглереструктуризация» цену за запрашиваемый объем угля (153,5 тонны) в 92 млн.грн, то компания, связанная с Александром Януковичем выиграла тендер с ценой 221 млн.грн, Этот факт не может не свидетельствовать о том, что государство шло против интересов богатейшего жителя страны и главного спонсора правящей партии [Forbes, 2013 c; Forbes, 2013 d;]. Если посмотреть на 15 глав министерств, назначенных Януковичем в конце 2012 года, то связанных с «семьей» окажется 7, и только 4 были связаны с Ахметовым [Forbes, 2012].

Помимо этого с избранием нового президента усилилось преследование представителей оппозиционного клана. В этом контексте часто вспоминают арест Тимошенко, но ведь были еще и арест бывшего главы МВД Ю. В. Луценко, заместителя министра юстиции Е. В. Корнейчука, председателя таможенной службы А. В. Макаренко и др.

Для анализа воспользуемся таблицей, которую представил политолог Хайко Пляйнес, состоящую из имен 29 олигархов, то есть богатых людей, которые оказывают влияние на политику ([Pleines, dataset, 2016], о методике подсчета см. [Pleines, 2016]). Если оставить только тех, кто был и до прихода к власти Януковича (таких оказалось 14), то выяснится, что их совокупное состояние (по данным Форбс) уменьшилось с 30 млрд. 290 млн. долларов в 2011 году до 29 млрд. 738 млн. в 2013. Более того, из тех 9 олигархов, состояние которых уменьшилось, 6 очевидно были так или иначе связаны с официальной властью. В то же самое время состояние сына президента Александра Януковича выросло с 99 млн. долларов в 2012 году до 187 млн. к апрелю следующего года, а в ноябре 2013 уже составляло 510 млн., то есть увеличилось за полгода почти на 173% [Forbes, 2013 e].

Таким образом становится очевидным, что причины для конфликта элит против государства имели под собой достаточно сильные основания. Формирование нового «клана» – приближенных к президенту людей, перенаправление денежных потоков в сторону «семьи» [Wilson, 2014, p. 54-58], достаточно жесткие действия в отношении представителей оппозиции и уменьшение богатства среди традиционной политико-экономической элиты не могли не вызвать сильного недовольства существующим положением дел. По факту происходило сужение базы бенефициаров правящего режима [Aslund, 2015, p.90; Kudelia, 2014, p 22; Wilson, 2014, p. 53].

Причины значительного влияния экономических элит на политический режим объясняется высокой концентрацией капитала в руках ограниченного круга лиц. Приведем яркий и характерный пример: согласно данным Форбс [Forbes, 2013 b], на долю выручки 10 крупнейших частных предприятий

Украины в 2012 приходилось 27% (26, 78%) от ВВП страны за тот же год, а на сотню уже 72% (71,79%). О чем говорят эти цифры? О том, что капитал украинской экономической элиты был сильно концентрированным, и имея такие материальные ресурсы, они могли оказывать значительное влияние на политику государства.

Геополитический (территориальный) механизм государственной дезинтеграции: СССР.

Прежде чем переходить к анализу механизмов, приведших к распаду СССР, рассмотрим прежде структурные условия, сделавшие их возможными.

Одной из самых главных статей расходов СССР было финансирование военно-промышленного комплекса: по разным оценкам доля этих расходов при Брежневле составляла от четверти до половины всех расходов страны [Альбац, 1992, с.165]. Силу лобби представителей военно-промышленного комплекса могут продемонстрировать такие факты: в 1970-е гг. СССР выпускал танков в 20 раз больше, чем в США [Гайдар 2006, с.202], а так же имел армию, превосходящую по численности американскую почти в два раза [Альбац 1992, с. 165]. Становится очевидным, что если расходы на военную оборону, составлявшие минимум четверть всего бюджета, и не были главным фактором грядущего фискального кризиса, то, как минимум, одним из самых значимых. Ключевым успехом лоббизма военно-промышленного комплекса стало появление у государства "лишних" денег за счет продажи нефти, так как в СССР доходы от ее продажи составляли около 20% [Безбородов, Елисеева 2010, с.68].

Наиболее убедительной гипотезой, которая объясняет внешнеполитический курс страны, является утверждение о наличии связи между ценами на нефть и внешней агрессией со стороны государств, в которых минимум 10% доходов бюджета зависят от экспорта нефти [Colgan 2014; Hendrix 2015]. Несмотря на то, что конкретные механизмы еще недостаточно исследованы [Hendrix, 2015: 18], логично предположить, что

«внезапно» ставшие богатыми государства становятся более уверенными в своих силах и начинают отстаивать интересы, которые могут потребовать значимых дополнительных расходов. Более того, успех на внешнеполитической арене приводит к повышению авторитета власти внутри страны, в чем заинтересованы любые правители. Гипотеза о том, что главным фактором введения войск в Афганистан стало повышение цен на нефть и, соответственно, увеличившиеся доходы бюджета, является наиболее убедительной, так как в рамках других гипотез трудно объяснить колебания высшего руководства СССР о том, стоит ли вводить войска [Brown 2013, Gaddy 1996. P.50, Гайдар 2006, с. 183]. Однако предпосылкой введения войск был конфронтационный дискурс со странами Запада (о том, что это именно было связано с конфронтацией с Западом см. [Шубин 2000]).

Однако в связи с нарастанием экономического кризиса и последующего падения цен на нефть, реформирование системы становилось необходимым для дальнейшего стабильного существования.

Политика гласности, ставившая своей целью борьбу с консервативной бюрократией и вовлечение общества на борьбу с неэффективностью некоторых частей системы, не достигла желаемого успеха, как и политика ускорения и сухой закон – фискальный кризис нарастал. Но политика гласности имела другой результат – она позволила обществу задаться вопросом о "верности событию-истине 1917 г.", запустив процессы делегитимации системы, то есть веры в обоснованность и необходимость сохранения статус-кво.

Вместе с тем, реформаторы в политбюро во главе с Горбачевым все больше осознавали, что страна оказалась на грани "геополитического перенапряжения". В условиях недостаточно эффективных институтов агрессивная или даже активная внешняя политика в долгосрочной перспективе ведет к «перекосам» бюджета. Это проявляет себя, в первую очередь, в ориентации бюджета на военную сферу, что мы видим в случае СССР. Так, например, согласно исследованию Т. Скочпол [Skocpol 1978],

основной причиной, приведшей к слабости французского государства, следствием чего стала революция 1789 года, являлась чрезмерная нагрузка на бюджет, вызванная помощью американским колониям в борьбе за независимость. Примат внешней политики приводит к ослаблению социальной политики, торговым блокадам (что пытался сделать, например, Наполеон в отношении Британии), а соответственно и к недовольству как простого населения, так и элит, не представляющих интересы военно-промышленного комплекса. Это в свою очередь уменьшает базу лояльных групп, за счет которых и происходит увеличение госрасходов, а также растет долг (как внутренний, так и внешний). В результате описанной динамики возникает фискальный кризис, т.к. государство не может выплачивать дивиденды своим бенефициарам и в целом становится слабее [Goldstone, 1991].

Горбачев вел поступательное наступление на доминировавшие интересы военно-промышленного комплекса. Сначала он в 1986 г. отказался от политики "симметричного ответа" на действия западных стран, а в 1988 году уже заявил о сокращении вооружений, но это еще не сокращение военных расходов. Вообще у Горбачева тогда было два очевидных пути преодолеть разрастающийся фискальный кризис – либо сделать свободным ценообразование, либо выступить против представителей оборонного сектора [Miller 2015, p. 65]. Первое было практически невозможно по политическим причинам, так как это вызвало бы всплеск народного недовольства [В политбюро.. 2008, с.184, 446]. Второе же решение не могло быть реализовано в рамках существовавшей политической конструкции, потому что, как упоминалось ранее, представители военно-промышленного комплекса имели слишком большую власть и запросто могли блокировать решения Горбачева.

Перед Горбачевым стояла задача ослабления монополии КПСС на всю проводимую политику, как для того, чтобы ослабить лоббизм со стороны военных, так и чтобы ослабить сопротивление бюрократии. Для этого он

решил ввести элементы демократии, а именно выборность некоторых руководителей. Такое решение было объявлено на январском пленуме в 1987 году, однако тот факт, что этот пленум трижды откладывался, свидетельствует о сопротивлении бюрократии [Котц, Вир 2013, с.126]. Позже это привело к созданию Съезда народных депутатов – главного органа управления страной, где часть депутатов избиралась на конкурентной основе. Ставя своей целью ослабление бюрократии, Съезд, по факту, дискредитировал всю прежнюю систему управления [Kiernan 1993, Robinson 1995]. Именно тогда впервые было озвучено предложение об отмене 61 статьи конституции о главенствующей роли партии, которое было реализовано на III Съезде в 1990 г. Что это значило для системы? Монополия КПСС всегда являлась системообразующим фактором в СССР, что вытекало из идеологии, под лозунгами которой и свершалась Октябрьская революция 1917г. Только КПСС, согласно циркулировавшему дискурсу, имела "подлинное знание" о том, что нужно делать. Еще одним следствием Съезда стало формирование Межрегиональной депутатской группы, по факту означавшее создание фракции. Опять же, до того уже как минимум 50 лет ничего подобно в СССР нельзя было помыслить. Все это еще больше усугубляло кризис легитимности существующей системы, что наглядно было продемонстрировано на первомайской демонстрации 1990г., когда тысячи людей шли с плакатами "долой КПСС" и "долой марксизм-ленинизм" [Пихоя 2000, с.521].

Дискредитация КПСС, а так же появление республиканских коммунистических партий, предопределило еще одну линию раскола – по национальным границам..

Анализируя процессы дестабилизации в 1989 –1990 гг., возникает вопрос, почему номенклатура активно не сопротивлялась этому? Факт дискредитации консерваторов не объясняет отсутствие серьезных попыток сохранить прежде значимое для большинства людей членство в партии. По мнению некоторых ученых [Пихоя 2000, с. 414-415], "хлопковое дело"

наглядно показало, что Центр стремится поставить под контроль экономическую элиту, так как расследование носило ярко выраженный политический характер и направлено было на поиск "компромата" на высшее партийное руководство. Этот факт предопределил желание экономической элиты "приватизировать" собственность, так как частная собственность давала больше гарантий для приращения капитала, чем верность политическому курсу КПСС [Пихоя 2016, Безбородов, Елисеева 2010: 26, Lachmann 1997: 76-77]. Потому, когда Горбачев попробовал осуществить "институциональную дифференциацию" [ДеБолт 2006], то есть ослабить монополию КПСС над всеми сферами жизни [Sakwa 1998, p.104-105], экономические элиты это приветствовали. Стоит так же учитывать, что принятый в 1988 г. закон о кооперации легализовал, по факту, частную собственность, что также стимулировало желание элит выйти из под диктата дискурса и правовой реальности "социалистической собственности".

Все ранее сказанное позволяет нам выявить некоторые условия, обозначившие линии раскола среди элит. Во-первых, политика гласности, направленная на ослабление роли бюрократии обозначила раскол по линии политических элит между реформаторами и консерваторами. Во-вторых, желание ослабить роль военно-промышленного комплекса привело к противостоянию Горбачева и части военных, которые принимали активное участие в августовском путче [Gaddy 1996, p. 62]. В-третьих, ослабление роли КПСС привело к возможности националистов стать значимым политическим актором. В-четвертых, экономические реформы обозначили контур конфликта между политическими и экономическими элитами.

Здесь же вырисовываются и механизмы, приведшие к крушению СССР.

С аналитической точки зрения уместно рассмотреть механизмы в обратном порядке, так как двигаясь по "воронке причинности" [Ильин 2015] от последней точки до начальной, количество влияющих факторов будет возрастать и их вычленение будет все более затруднительным.

Последней точкой крушения системы стала ее полная делегитимация – ее никто не стал защищать. Важным свидетельством делегитимации власти может служить огромное количество митингов не экономического, а политического характера, численность которых доходила до 150000 человек и даже больше.

К делегитимации как режима, так и государства привело множество факторов. Режим был делегитимизирован экономической неэффективностью, непоследовательной политикой, дискредитацией политической элиты и др. Само же государство было делегитимизировано, в первую очередь, в глазах национальных элит. Они желали как политической свободы, так и экономической безопасности, которой они не видели в рамках СССР. Для населения же республик потеря геополитического престижа означала, что привлекательность единой "советской" нации не столько очевидна.

Несмотря на множество причин делегитимации, важно отметить ключевое условие, без которого она не может произойти – это конфликт элит. Конфликт элит является неотъемлемой частью крушения государства потому что политическая дестабилизация снизу будет обречена на провал в отсутствие конфликта элит, по этой же причине дискурс "альтернативы", то есть ради чего идти протестовать, должен быть поддержан частью элиты [Foran, 1997; Lachmann, 1997]. Одно из важнейших следствий конфликта элиты связано с территориальностью целостностью. Часть противостоящей элиты, претендующая на новую легитимность и имеющая свой дискурс, будет стремиться к собственной организации, следствием чего является стремление приобрести контроль над частью территорий в рамках существующих границ государства, в котором этот конфликт элит и происходит. Такой контроль может в конкретных случаях проявляться различно – будь то отсоединение, присоединение к другому государству, непризнание существующих властей и т.д., что мы и наблюдаем в случае СССР.

Как мы видели, главной причиной, которая обусловила реформы, сделавшие конфликт элит возможным, стал фискальный кризис. Его глубинной причиной стала неэффективная система экономического менеджмента, которая долгое время компенсировалась продажей нефти. Непосредственной же причиной фискального кризиса стала геополитическое перенапряжение, так как минимум четверть бюджета уходила на обеспечение реализации целей внешней политики. Подтверждением этого утверждения могут служить множество доказательств, как личные показания непосредственных участников политического процесса (Горбачев, Рыжков), так и факт военного паритета с США, при том, что экономически СССР уступал Америке по многим показателям в несколько раз [Гайдар, 2006].

Мы не будем углубляться в непосредственные причины геополитического соперничества между СССР и странами запада, а укажем структурные условия, которые сделали это возможным и привели к истощению государственных финансов. Рамкой, которая легитимизировала конфронтацию, стал дискурс соперничества социализма и капитализма, начало которому было положено после Октябрьской революции 1917 г. Непосредственным же условием стало отсутствие в системе СССР сдержек и противовесов. В СССР в силу специфики самоописания экономические и политические элиты были связаны воедино посредством коммунистической партии. Отсюда проистекает невозможность отделения чисто экономических и политических интересов. В рамках централизованной на государстве теории (см., напр. [Mann 1984, Skocpol 1978]) получается, что интересы государства и правящей элиты практически полностью совпадали. Внутренние интересы государства (сбор налогов, поддержание порядка и стабильности, воспроизводство культурного образца и т.д.) и внешние (геополитический престиж, отстаивание обеспечение безопасности границ и т.д.) сходились в одном высшем органе власти СССР – политбюро. Конечно, в политбюро происходило столкновение интересов (хотя нам о них мало что известно), однако одну из главнейших ролей в нем играли представители военно-

промышленного комплекса. Об их силе можно судить по такому факту: в 1989 г., когда Съезд народных депутатов получил право контролировать деятельность комитета по обороне и государственной безопасности, то выяснилось, что главную роль в нем продолжали играть военные и именно военного хотели поставить во главе комитета, что вызвало недовольство среди членов верховного совета [Первая сессия... 1990, с.104].

Причину такого влияния оборонного сектора понять не трудно – в нем было занято более 14 млн. человек, что делало его одним из крупнейших работодателей страны.

В условиях отсутствия открытой политической конкуренции, переплетенности экономических и политических элит, слабого гражданского общества, трудно представить даже возможность какого-либо противовеса при обсуждении руководством страны тех или иных решений. Американская исследовательница Джессика Уикс, исследуя специфику ведения внешней политики в автократиях, указывает на то, что ключевым аспектом принятия решений о внешнеполитической агрессии зависит от подотчетности (accountability) лидеров. Рассматривая кейс брежневского СССР, она говорит о коллективной системе принятия решений и что Брежнев был подотчетен политбюро [Weeks 2014, p. 166-169]. Ее модель строится на основании разграничения разных типов автократий, однако при таком подходе трудно объяснить уровень интенсивности международной агрессии. Так, согласно ее модели, при Хрущеве уровень международной агрессии СССР должен был быть выше, чем при Брежневе, однако, несмотря на карибский кризис 1962 г., статистически частота конфликтов была выше в 1964-1982 гг. [Щербак и др. 2017, 108-109]. Причины, на наш взгляд, лежат в области взаимодействия экономических и политических элит, а именно – кому принадлежат материальные средства производства. Государства, согласно теории об его автономии, всегда имеют внешнеполитические интересы, которые стремится реализовать любой ценой. Однако ввиду того, что интересы государства не сводятся только к этому, всегда имеется противовес внутри. Как показывают

исследования, таким противовесом выступают экономические элиты. Причины их противостояния с "агрессивным" блоком могут иметь разные основания, но главной является то, что экономические элиты не хотят терять свой капитал. Увеличение налогов, преимущество военных при государственных заказах, санкции и т.д. и вызывают недовольство экономических элит. Когда происходит падение доходов экономических элит, то они, имея материальные средства производства, могут оказывать значительное влияние на политические элиты, что мы отчетливо видели в Украине 2014 г. Однако, когда все материальные средства производства находятся в руках политических элит, то есть огосударствлены, то ни о каком расколе речи быть не может. Именно эту ситуацию мы и наблюдаем в позднем СССР.

Подчиненность государству материальных средств производства не ведет автоматически к внешнеполитической агрессии, но создает условия для ее осуществления. В СССР, как мы видели, причиной одного из самых значимых актов международной агрессии стало повышение цен на нефть.

Таким образом получается, что подчиненность материальных средств производства в СССР, редуцировавшая потенциал сдерживания, давала возможность вести агрессивную внешнюю политику практически не считаясь с последствиями. Это, вкупе с неэффективностью экономической системы, привело к геополитическому перенапряжению и нехватке ресурсов. При попытке создать политические противовесы правящей элите (гласность, Съезды народных депутатов), была создана институциональная рамка, в пределах которой и возник конфликт элит за уменьшающиеся ресурсы. Конфликт элит, вкупе с падением благосостояния населения, привел к делигитимации системы, после которой ее существование было уже невозможно.

Заключение

Подводя итог, мы можем очертить следующие механизмы государственной дезинтеграции. Последняя возможность сохранения государства теряется при полной делегитимации власти и режима, которая особенно часто наступает при авторитаризме в результате конфликта элит (социальный уровень). Конечно, делегитимация не наступает только от конфликта элит, однако она и невозможна при монолитности режима, т.к. при единстве элит трудно будет дать возможность «политической культуре восстания и оппозиции» реализовать себя.

Таким образом, конфликт элит является необходимейшим компонентом при распаде государства, другой вопрос – достаточно ли его?

Конфликт элит, вызываемый нехваткой различных ресурсов, как материальных, так и символических, имеет как минимум два различных источника. Первый – геополитическое перенапряжение, когда государство тратит значительную часть ресурсов на охрану своих границ и на завоевание новых территорий. Второй – перепроизводство и «деградация» элит, когда элитных позиций недостаточно, и/или когда элита стремится увеличить владение ресурсами, которыми государство не располагает в достаточной мере.

Различные причины, на наш взгляд, будут вызваны различным положением элиты относительно государства: либо элиты подчинены государству, либо независимы от него.